

RU

Наука в эпоху постглобализма: актуальные тренды и противоречия

Савченко И. А., Агеева Н. А.

Аннотация. Цель исследования - описать ситуацию, в которой развивается современная наука, и установить, каким образом наука реагирует на судьбоносные исторические трансформации. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней дана комплексная оценка развития технологий, естествознания и гуманитарной науки на фоне актуальных изменений общественной жизни. В результате показывается отражение основных черт постглобальной эпохи в трендах современной науки, выявляются актуальные противоречия в развитии различных областей научного знания, устанавливаются причины особой роли мультидисциплинарных подходов в современных исследованиях, формулируются приоритетные вопросы и ключевые положения, характеризующие состояние и перспективы современной науки.

EN

Science in the Age of Post-Globalism: Current Trends and Contradictions

Savchenko I. A., Ageeva N. A.

Abstract. The article aims to describe the situation in which modern science is developing and to determine the way science responds to pivotal historic transformations. Scientific novelty of the research lies in the fact that it gives a comprehensive assessment to development of technology, natural science and the humanities amid current social changes. As a result, the authors show how the main characteristics of the post-global age find their reflection in trends of modern science, identify current contradictions in development of different areas of scientific knowledge, uncover reasons for multidisciplinary approaches having a special role in modern research, formulate priority issues and fundamental premises characterising the state and prospects of modern science.

Актуальность исследования. Мы говорим о переломных этапах прошлого и будущего человечества и полагаем, что в данный момент переживаем один из них. В эпоху, когда естественная наука сосредоточена на биоинженерии, а техническая – на обслуживании бизнеса, гуманитарное знание находится на распутье между концептуальным осмыслением тенденций развития современного мира и так называемым «мелкотемьем». В данных обстоятельствах анализ трендов развития фундаментальной науки представляется востребованным и актуальным.

Согласно поставленной цели авторами решался ряд **задач**: 1) выявить основные черты постглобальной эпохи, показать их отражение в научных трендах; 2) установить магистральные ориентиры естествознания и технологий в постглобальную эру; 3) обосновать причины примата междисциплинарности в современных социально-гуманитарных исследованиях; обосновать возможности использования трансструктурного метода как альтернативы механистическому варианту междисциплинарного подхода; 4) обозначить круг феноменов и противоречий, которые могут быть раскрыты с использованием трансструктурной методологии.

Теоретическая база исследования. Дискуссии о судьбах науки стали особенно популярными на западе начиная с 1990-х годов и чуть позже (уже в нынешнем столетии) – в России. Симптомы кризиса науки признают практически все авторы, исследующие ближайшие и отдаленные перспективы ее развития. При этом ряд авторов высказываются достаточно оптимистично и склоняются к тому, что кризис – лишь этап перехода к новому более плодотворному этапу развития научного знания [29]. «Оптимисты» связывают кризисное состояние науки, в первую очередь, с экономическими причинами, с финансовым кризисом [15], временной рассогласованностью официальной государственной политики и устремлениями научного сообщества [2]. Большинство «оптимистов» полагают, что по мере решения указанных, внешних по отношению к науке, проблем и противоречий будут решены и вопросы, непосредственно связанные с наукой.

«Научные оптимисты» предлагают для современной науки такие дополнительные инструменты выхода из кризиса, как толерантность по отношению к новым идеям [17], новые творческие импульсы [13], различные формы помощи [31, р. 1-193], реформирования [33] и институциональной модернизации [21].

Что касается «научных пессимистов», они считают, что наука «зашла в тупик» по причине внутреннего кризиса, обусловленного динамикой развития самой науки [8], культурным лагом и экзистенциальным кризисом современной цивилизации [5]. Пессимисты связывают регрессивные тенденции в науке с последствиями постмодернистской идеологии, обесцениванием научного знания и общим «смысловым кризисом» современности [16].

Концептуальную оценку кризисным явлениям в науке дал в свое время Эдмунд Гуссерль [32], который тем не менее не считал этот кризис катастрофой и пытался выстроить союз между феноменологией и экзистенциализмом. Для нас весьма важно, что спустя многие десятилетия после выхода последней незаконченной работы Гуссерля ученые продолжают спорить о том, как правильно следует понимать идеи и прогнозы великого философа [1; 30].

Методы исследования. Сбор исследовательского материала осуществлялся посредством *общенаучных* методов познания общественных явлений (анализ, аналогия, сравнение, индукция, предположение и прогнозирование) с учетом специфики их применения в изучаемой сфере явлений. Авторы опирались на методологические положения и выводы, в которых наука признается целостным и динамическим явлением. Такое понимание потребовало применения *системного подхода* и рассмотрения развития науки как системы, располагающей внутренними импульсами к развитию. Авторы изучали динамику научного знания во всем комплексе свойственных ему противоречий, что объясняет обращение к диалектическому методу познания.

Материалы статьи представляют *практическую значимость* для ученых, которые, возможно, сегодня находятся на распутье и не совсем уверены в правильности выбора направленности своих исследований. В статье показано, как тесно тренды научного развития связаны с событиями мировой значимости – в данном контексте статья представляет прикладную ценность для всех, кто пытается осмыслить ориентиры развития современного общества в целом.

В рассуждениях о тяжелых для науки временах можно вспомнить антиутопии Дж. Оруэлла или О. Хаксли, однако не менее обоснованным в данном случае будет обращение к работам другого великого британца – Чарльза Диккенса [9]. В его романе «Тяжелые времена» поднимаются вопросы, которые сегодня, спустя 165 лет, обсуждаются в дискуссиях о будущем как науки, так и образования. Действительно, в Викторианской Англии, как и в современном мире, прогресс был возведен в Абсолют, в науке ценилась утилитарная, а в образовании – фактологическая, прагматическая (или, как сейчас принято говорить, компетентностная) составляющая [23]. В результате формируется общество с перевернутыми ценностями, где пороки принимают за добродетель и наоборот. Прагматизм в таком обществе – абсолютно внеполитическая категория: циниками у Диккенса предстают и капиталисты, и профсоюзные лидеры. В обществе, где образование нацелено на «передачу полезных фактов», а наука – исключительно на прикладные цели, безнравственность становится нормой, что подтверждается доводами М. Хоркхаймера и Т. Адорно о том, что, когда информационный продукт становится товаром, «просвещение духа» не продуцирует, а отрицает действительную «эмансипацию человека» [28, с. 244].

Многие актуальные процессы (распространение коронавируса нового типа, дистанционные технологии и пр.) имеют всемирный характер. Но на фоне множественных конфликтов, экономических и информационных войн нельзя называть наше время эпохой всемирной интеграции... Эйфория фукуямовского «Конца истории» давно прошла, социальное неравенство в мировом и локальном масштабах лишь выросло, народы не стали ближе друг к другу, напротив, появляются новые формы неравенства, расизма и этнических столкновений. Поэтому, вслед за некоторыми современными исследователями, назовем нашу эру постглобальной [11].

Понятие постглобального (так же как глобального) является типичным симулякром, то есть продуктом гиперреальности (по терминологии Жана Бодрийера). При этом постглобальное (как это свойственно для симулякров) одновременно отрицает и не отрицает глобальное так же, как постиндустриальное общество одновременно отрицает и не отрицает индустриальное.

Постглобальную эпоху мы можем с уверенностью считать сложным, переходным этапом развития, причем применительно ко всему человечеству. В мировоззренческом плане данный этап является таковым потому, что большинство людей не понимают, что происходит, и испытывают неуверенность и тревогу перед тем, что будет происходить.

В данном случае было бы вполне логичным ожидать от науки ответа на вызовы современности. Как и в романе Диккенса, сегодня ценится все прикладное прагматичное, ощутимо полезное.

Разрабатывается и испытывается вакцина от коронавируса. И это – работа в правильном направлении. Вместе с тем в период, когда миллионы людей уже заражены коронавирусом, было бы своевременно направить ресурсы на изобретение лекарства.

В 2020 году Нобелевскую премию по химии получили две женщины-учёные (американка и француженка) за создание технологии редактирования генома – так называемых «генетических ножниц». Это изобретение 2011 года уже активно испытывается. Идея на эмбриональном уровне освободить человека от возможных болезней (восприимчивость к ВИЧ-инфекции, глухота и/или слепота) очень заманчива. Между тем сегодня китайские власти скрывают человеческих мутантов (девочек-близнецов), родившихся в результате «подсадки» суррогатной матери эмбрионов с отредактированным геномом [22]. Возникают большие сомнения, что естественная наука идет в верном направлении.

Техническая наука развивается сегодня довольно странно. Ничего принципиально нового не изобретается уже лет тридцать с тех пор, как западные капиталисты решили размещать вредные производства в третьих странах, отказавшись от идеи совершенствования собственных производств. Не случайно Рэй Брэдбери сетовал на то, что люди вместо того, чтобы летать на другие планеты уже в этом веке, изобретают «штуки вроде айфона» и «костюмы для собак» [12].

Что касается социально-гуманитарной науки, то здесь абсолютным трендом становится междисциплинарность. С одной стороны, такое «промежуточное» эклектичное знание вроде бы отражает характер современной эпохи. С другой стороны, для некоторых наук междисциплинарность со свойственной ей экстенсивностью губительна. Не является благом междисциплинарность и для философии, которая с силу своей природы не может интегрироваться с другими науками, поскольку изначально стоит над ними. Судя по тенденциям развития общественной науки за рубежом, можно полагать, что ее будущее – за социологией, которая благодаря большому гению Огюста Конта изначально междисциплинарна. Однако есть исследователи, которые понимают, что и социология сегодня поражена внутренним кризисом, имеющим ценностную природу [14].

В противовес механицизму междисциплинарности авторы статьи разрабатывают трансструктурный подход, который позволяет увидеть в современном постглобальном развитии нюансы и противоречия, неуловимые в рамках иных исследовательских методологий. Понятие трансструктурности заимствовано из геологии и архитектуры: речь идет о так называемых «конструкциях с частичными принадлежностями», где вертикальные и горизонтальные слои постоянно пересекаются, создавая сложное нагромождение. В контексте трансструктурного подхода исследовательские проблемы решаются в сопряженности с определенными социокультурными феноменами, ибо наука неизменно развивается в определенном культурном контексте [10]. Обозначим феномены и противоречия, которые могут быть наиболее полно изучены в рамках трансструктурного подхода.

Во-первых, уже давно стало общим местом противопоставление глобального и локального, в то время как в действительности между глобальным и локальным нет противоречия. Локальные единицы дополняют глобальное как естественные органичные элементы системы.

Глобализация «разобщает не меньше, чем объединяет, она разобщает, объединяя, – расколы происходят по тем же самым причинам, что и усиление единообразия мира» [3, с. 7]. Мы хотим обратить внимание на другие, не менее значимые антиномии, в частности на диалектику метакультурного и мегакультурного, локального и сублокального [19, с. 147].

Рассматривая метакультурное и мегакультурное, отметим, что *мегакультура* во многом подобна глобальной, но отличается от нее осязаемыми географическими рамками и сильным зарядом традиции, что обнаруживает у себя, например, евразийское мегакультурное единство.

Метакультурное же балансирует между локальным (культурно акцентированным) и глобальным (культурно нейтральным, но коммуникативно заряженным). Метакультурный статус сегодня имеют культуры, сформировавшие современную цивилизацию, то есть культуры народов Европы, прежде всего Западной Европы. Но сегодня все эти столпы полуторатысячелетней цивилизации оказались лицом к лицу с пророчествами Освальда Шпенглера и арифметикой Льва Гумилева о том, что этнокультурная целостность существует не более 1200-1500 лет.

Дифференциация локального и сублокального состоит в том, что локальное ассоциируется, прежде всего, с «этническим возрождением», мигрантскими общностями и коммунитаризмом, а также – с новыми «независимыми» государствами, в то время как сублокальное являет собой пример локального внутри локального: например, талыши внутри азербайджанского народа, беры как особая часть арабского мира и т.д.

Во-вторых, попытка научного осмысления перспектив развития постглобального мира неизбежно ставит перед нами вопрос о возможных приоритетах развития культурно-разнородных обществ. Достаточно непросто в наше время ответить на вопрос о том, какая концепция организации полиэтничного социума более приемлема: коммунитарная концепция, со свойственной ей идеей общинности, или либеральная, которой присущи персоналистские и индивидуалистические практики. Кроме этого, гуманитариям в ближайшей перспективе предстоит понять, что более востребовано: гражданский национализм как идея нации-государства или космополитизм, в частности, в том виде, как его трактует У. Бек [4, с. 42], – и какая форма культурной идентичности сегодня более актуальна: этническая, национальная (гражданская) или, возможно, общегуманитарная.

В-третьих, мы не можем не учитывать современные, часто неочевидные тенденции и противоречия социокультурной динамики. Так, если говорить о трансформациях, обусловленных религиозной динамикой, на поверхности, бесспорно, обнаружатся рост ислама и деградация христианских конфессий. Однако не следует упускать из виду, что внутри большинства конфессий (и христианских, и мусульманских, и буддистских, и всех остальных) усиливается противоречие между религиозным фанатизмом и мракобесием, с одной стороны, и религиозной маргинальностью – с другой.

На фоне этих процессов обостряется вопрос о социокультурных перспективах иммигрантских обществ. Так, большинство современных иммигрантских стран, включая Россию, страны американского, австралийского, европейского континентов, – исторически христианские. И в данном контексте можно вспомнить, что «античная культура была спасена для вечности христианством, христианской церковью. Ныне и само христианство стареет, в нём нет уже творческой молодости. Нового же религиозного света ещё не видно» [6, с. 29].

Перед исследователями возникает еще один требующий ответа вопрос о том, какой культурный ориентир может возобладать в перспективе: «культура духа» (то есть познания и просвещения), «новый религиозный свет» или «свет технологий». С одной стороны, действительно, разве «со всем своим золотом и со всей своей армией мог Карл Великий добыть хоть одну электрическую или электронную лампу?» [7, с. 54]. С другой же стороны, техногенная цивилизация не отрицает, а, напротив, формирует условия «распространения теософических учений, вкуса к оккультным наукам, возрождения магии» [6, с. 34]. Не случайно ещё в первой трети прошлого столетия Н. Бердяев предсказывал приход Нового Средневековья со свойственными ему предрасудками и магическим сознанием.

Такие оппозиции заставляют вспомнить о еще одной антиномии – между культурой и демократией. Николай Бердяев писал: «От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля» [Там же, с. 66]. Принеся в жертву демократию, общество войдет в Новое Средневековье, а пожертвовав культурой – в каменный век. Однако неолит рано или поздно сменяется Античностью, а Средневековье – Возрождением [20].

В рамках методологии трансструктурного подхода новую актуальность обретает философия истории как философское осмысление прошлых эпох, которую, к сожалению, в школе и вузе (за исключением узких специалистов) не изучают. Стоит чаще обращаться к трудам Люсьена Февра и других представителей Школы Анналов [24]. Сегодня как никогда актуальны работы Йохана Хейзинга [25; 27], среди которых особое место приобретают «Тени завтрашнего дня» [26], где показаны причины и вероятные последствия духовного оскудения европейской цивилизации на пороге грядущей беды – Второй мировой войны. И сегодня мы должны быть внимательными и понимать, к каким последствиям приводит духовное истощение.

Изучая философию истории, нам следует искать в истории ключевые точки. Речь идет не о знаменательных датах – войнах, революциях, судьбоносных реформах... Ключевая точка – некое событие, которое, иногда даже случайно, определяет ход истории. Так, например, ключевой точкой Карабахского конфликта стало 5 июля 1921 года, когда было принято Решение Кавбюро ЦК РКП(б), согласно которому территория Нагорного Карабаха, где 94% составляло армянское население, вошла в состав Азербайджанской ССР на условиях областной автономии [18, с. 649–650].

Когда мы говорим о подобных решениях, о советском прошлом, при всех его светлых моментах, то неуклонно задаёмся вопросом: как в такой стране с такой богатейшей культурной, религиозной и духовной традицией мог прижиться марксизм? Ученым еще предстоит осмыслить и понять, почему именно в России, которая дала миру, помимо Толстого и Достоевского, также Николая Данилевского – создателя цивилизационного подхода, впоследствии заимствованного Альфредом Тойнби, стал востребован диалектический материализм. Взгляды великого экономиста К. Маркса на исторический путь человечества поверхностны и европоцентричны, а концепция общественно-экономических формаций превращает историю в описание смен способов производства, а не динамики жизни разных поколений.

Мы описали тенденции и противоречия, сопровождающие актуальное развитие науки. Результаты нашего исследования позволяют сделать ряд **выводов**:

1. Современную эпоху можно охарактеризовать как постглобальную. Это название является условным, но тем не менее в нем отражено несоответствие *концепции глобализации* реалиям сегодняшнего дня, где имеют место социальная разобщенность и многочисленные конфликты. Постглобальную эпоху можно описать как ступень перехода к новому этапу развития цивилизации, качественные характеристики которого на данный момент до конца не ясны. Для исследовательского сообщества в складывающихся условиях особый интерес представляют перспективы развития науки в обозримом будущем.

2. Главным трендом развития естественной и технической наук становится ориентация на прикладные исследования. В естественной науке это ведет к противоречию между этической приемлемостью исследовательских методик и утилитарными эффектами открытий и изобретений. В технической науке прикладная направленность продуцирует доминирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ориентированных на массовое потребление, над фундаментальными исследованиями.

3. Основным вектором гуманитарной науки становится междисциплинарность, которая, с одной стороны, адекватно воплощает в себе синкретическую природу нашей эпохи, но, с другой стороны, в силу отсутствия внутренней целостности препятствует развитию наук (например, философии), которые закономерно должны сами определять исследовательские парадигмы, а не искать союза с прикладными научными дисциплинами. Вместо междисциплинарного механицизма авторы предлагают трансструктурный метод, в контексте которого динамика общественных явлений изучается во всей полноте свойственных им противоречий одновременно в горизонтальной и вертикально-иерархической плоскостях. Трансструктурный подход интегрирует в себе системный, структурный и диалектический подходы.

4. Трансструктурный подход позволяет выявить нюансы и оппозиции, свойственные постглобальной эпохе. Это относится, прежде всего, к актуальным антиномиям мегакультурного, метакультурного, локального и сублокального. Кроме того, трансструктурная методология способствует актуализации философии истории. В реалиях постглобальной эпохи становится востребованным поиск «ключевых точек истории» – моментов исторического времени, предопределяющих дальнейшее развитие народов и общностей.

Список источников

1. Барбашина Э. В. Гуссерль об истории и кризисе наук // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 45-48.
2. Батулин Ю. М. Учёным сказали прямо: «Вы не нужны» // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 1. С. 23-28.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 302 с.
5. Беляев В. А. Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций. М.: ЛКИ, 2007. 416 с.
6. Бердяев Н. А. Новое Средневековье. М.: Т8, 2018. 128 с.
7. Воннегут К. Механическое пианино. М.: Лабиринт, 2016. 416 с.
8. Гордеева И. В. Кризис сциентизма как результат разочарования в науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (47). Ч. 2. С. 48-50.
9. Диккенс Ч. Тяжелые времена. М.: Азбука, 2014. 352 с.
10. Дробязко Н. Е. Культура и культурный контекст в судьбах научного знания / науч. ред. В. Г. Торосян. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2014. 156 с.
11. Ерохов И. А. Постглобализация и политическая архаизация в России // Мировая политика. 2020. № 2. С. 1-25.
12. Зотов Г. Рэй Брэдбери: «Есть ощущение, что книги умирают» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/culture/article/36959> (дата обращения: 14.11.2020).
13. Казакова В. И. Креативность как «жизненный мир»: к вопросу о кризисе социальных наук // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 2013. № 3 (100). С. 295-300.
14. Кудрявцев В. А. Аксиологический кризис в социологической науке // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 13-19.
15. Мартынова С. В., Ратай Т. В. Сфера науки в 2008 году: первые проявления кризиса // Форсайт. 2009. Т. 3. № 4. С. 36-43.
16. Маслянка Ю. В. Смысловый кризис современности и философия постмодернизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 51-59.
17. Мирмович Э. Г. Толерантность как инструмент преодоления кризиса в науке // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2010. № 2. С. 98-101.
18. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. В. А. Микаелян. Ереван: АН Армении, 1992. XXXII+755 с.
19. Савченко И. А. Дихотомия социокультурных практик и полипарадигмальность социальной науки // Власть. 2018. № 1. С. 146-149.
20. Савченко И. А. Средневековье постсовременности и глобальные трансформации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovie-postsovremennosti-i-globalnye-transformatsii> (дата обращения: 14.11.2020).
21. Семенов Е. В. С архаичной наукой в информационное общество // Информационное общество. 2009. № 2. С. 40-52.
22. Спаская Д. Редактировать геном человека было слишком опасно. Новое открытие может все изменить [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/23/redaktirovat-genom-cheloveka-bylo-slishkom-opasno-novoe-otkrytie-mozhet-vse-izmenit> (дата обращения: 14.11.2020).
23. Уилсон Э. Мир Чарльза Диккенса. М.: Прогресс, 1975. 320 с.
24. Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. М.: Наука, 1991. 629 с.
25. Хейзинга Й. Осень Средневековья. СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2016. 768 с.
26. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемнённый мир: эссе / сост., пер. и предисл. Д. В. Сильвестрова; комм. Д. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
27. Хейзинга Й. Homo Ludens. «Человек играющий»: статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
28. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. - СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
29. Яковец Ю. В. Глобальный кризис науки и контуры грядущей великой научной революции // Философия хозяйства. 2010. № 3 (69). С. 141-151.
30. Bossert P. J. A Common Misunderstanding Concerning Husserl's Crisis Text // Philosophy and Phenomenological Research. 1974. Vol. 35. Iss. 1. P. 56-84.
31. Graham L., Dezhina I. Science in the New Russia: Crisis, Aid, Reform. Bloomington: Indiana University Press, 2008. 216 p.
32. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy (Northwestern University Studies in Phenomenology & Existential Philosophy). Evanston: Northwestern University Press, 1970. 405 p.
33. Levinson R. Science Today: Problem or Crisis? Abingdon: Routledge, 1997. 198 p.

Информация об авторах | Author information**RU****Савченко Ирина Александровна**¹, д. соц. н., доц.**Агеева Нина Александровна**², к. экон. н., доц.¹ Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова;

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

² Восточно-Сибирский институт экономики и права**EN****Savchenko Irina Alexandrovna**¹, Dr**Ageeva Nina Aleksandrovna**², PhD¹ Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov;

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

² East Siberian University of Economics and Law¹ teosmaco@rambler.ru, ² niag@inbox.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 01.11.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): постглобализм; переломный этап; трансструктурный подход; философия истории; ключевые точки истории; post-globalism; critical juncture; trans-structural approach; philosophy of history; key points in history.